

УДК 801.56

КАЗАНСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА

Н.А. Андримонова

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные положения Казанской лингвистической школы. Это проблемы системности и несистемности языка, транзитивности как систематизирующего фактора в синхроническом и диахроническом аспектах. Особое внимание уделяется синтаксической классификации В.А. Богородицкого.

Среди общетеоретических проблем, выдвинутых главой Казанской лингвистической школы (КЛШ) И.А. Бодуэном де Куртенэ, а также Н.В. Крушевским и В.А. Богородицким, к числу фундаментальных могут быть отнесены проблемы системности и вариантности языковых единиц. Многоаспектное освещение системности, учитывающее предметные, реляционные и ассоциативные связи, позволило выдающимся представителям КЛШ сконцентрировать внимание и на несистемных, переходных явлениях, которые расценивались ими как закономерное свойство системы, а не как отклонение от нее. В этом отношении показательное мнение Н.В. Крушевского относительно того, что «в языке, как и вообще в природе, весьма трудно проводить какие бы то ни было границы» [Крушевский 1880: 28].

Для дальнейшего развития лингвистической мысли представляется значимым и положение о центральности/нецентральности различных составляющих языковой системы и о возможности языковых единиц получать статус центральности/периферийности в разные этапы их существования и функционирования. «Понятие эволюции, – писал И.А. Бодуэн де Куртенэ, – должно привести к допущению постоянных осцилляций, колебаний в строении языка (в области сложных языковых форм слов, выражений и предложений – переход централизации в децентрализацию и децентрализации в централизацию)» [Бодуэн де Куртенэ 1963, 2: 17–18]. Данное соображение, с одной стороны, отражает нацеленность языкознания XIX века на проблему исторического развития, переходности-трансформации, имеющую место в работах младограмматиков В. Дельбрюка, Г. Пауля [Пауль 1960: 354–357] и др.; с другой стороны, это неотъемлемая часть его (Бодуэна) собственной концепции, не теряющей характера нетрафаретности и самобытности, во многих аспектах противопоставленной Ф. де Соссюру, который акцентировал различия, а не сходства и считал языковую систему идеальной, не включающей неопределенные явления. В своей работе «Об общих причинах языковых изменений» И.А. Бодуэн де Куртенэ, каса-

ясь вопроса соотносительности содержания и формы в языке, отмечал, что «нервному центру, мозгу в отношении языка свойственна способность осуществления симметрии, гармонии между содержанием и формой» (Т. 1). Известно, что Н.В. Крушевский сформулировал закон стремления языка к соответствию «мира слов миру мыслей». Тем не менее в процессе развития и функционирования языка это «стремление» может быть не реализовано в связи с несоответствием содержания и формы, например в случаях наполнения старой формы новым содержанием, что позволило С. Карцевскому вывести закон асимметричного дуализма языкового знака как движущую силу явления переходности при большем или меньшем расхождении и даже конфликте означаемого и означающего. Наконец, говоря о системе языка, следует иметь в виду и систему знаний о языке, представленную в различных классификационных и типологических построениях. Если у большинства крупных ученых, по мнению Л.В. Щербы, «системы, ими создаваемые, покрывают лишь часть фактов» и остается тот или иной материал, «который ими сознательно или бессознательно игнорируется» [Щерба 1974: 397], то сам Л.В. Щерба обратил внимание на необходимость учета всех фактов языка и даже приоритетность нетипичных, неустоявшихся, не до конца ясных. «...Надо помнить, – писал он, – что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвистов» [Щерба 1958: 35-36].

Соответствующие базовые постулаты можно, на наш взгляд, считать отправными при осмыслении и интерпретации таких сложных и не до конца раскрытых категорий, как переходность (промежуточность) и синкретизм.

В современной лингвистической литературе имеет место разграничение характера переходности, связанной с состоянием языка и с его историческим развитием, при этом в первом случае принято акцентировать внимание на категориях переходности и синкретизма, в то время как во втором – на явлении трансформации и сопровождающих ее процессах, коррелирующих с этапами эволюции мышления.

Если переходность (промежуточность, периферийность) способствует связности речи и цельности систем, то синкретизм стимулирует семантическую многоплановость речи, ее вариантность, оттеночность, нюансирование, так как он основывается, прежде всего, на законе асимметричного дуализма означаемого и означающего, стимулирующего переинтеграцию компонентов содержания, выдвижение или погашение отдельных сем в пределах устоявшихся канонических моделей, хотя и сами модели в меньшей степени, но также подвержены изменениям и отходу от консервации. При синкретизме именно семантика оказывается обычно более глубокой и разветвленной, чем это предполагается структурой. Нередко обновленная семантика, в противовес выражающей ее форме, возникает в результате взаимодействия лексических и грамматических факторов. Подчеркнем, что, с одной стороны, переходность понимается как диахронический (эволюционный) процесс преобразования одних языковых явлений в другие (причастий в прилагательные и в глаголы прошедшего времени), а с другой – переходность есть отражение синхронных связей между

явлениями, наличие соединительных звеньев между противопоставленными фактами языка и речи, при этом синхрония должна расцениваться как взаимодействующая с диахронией, не лишенная динамических процессов. Такое понимание базируется на положениях Бодуэна: «...В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется... Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» [Бодуэн де Куртенэ 1963; 1: 349].

Аспекты синтаксической переходности представлены, прежде всего, в «Общем курсе русской грамматики» В.А. Богородицкого, который, не ограничиваясь методом оппозитивного изучения языковых структур, подчеркивает их взаимосвязи, наложения и пересечения, а также те или иные преобразования и изменения. Так, он прослеживает процесс вытеснения именительного и винительного падежей творительным способом действия, входящим в ближайшую связь с глаголом, и квалифицирует это явление как «синтаксическое переразложение» [Богородицкий 1935: 227]. XIII и XIV главы указанного труда, посвященные проблемам русского синтаксиса, представляют собой новый, единственный в своем роде вариант классификационных построений, теоретически и практически включающий не только типовые структуры, но и промежуточные, синтезированные, позволяющие полнокровно отразить языковую действительность. Предлагая классификацию простых предложений по логико-семантическому критерию, он намечает две основные группы, а затем подключает третью, совмещающую признаки первых двух. Ср.: 1) *Лошадь животное*. 2) *Лошадь идет*. 3) *Лошадь пуглива* (С. 206). Наряду с этим проф. В.А. Богородицкий распространяет понятие переходности и на такой важнейший синтаксический вопрос, как синтаксические связи, наталкивая последующих исследователей на мысль о наличии переходных явлений в сфере доминантных связей сочинения и подчинения. Он говорит о том, что «обычное деление всех сложных предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные страдает некоторой искусственностью, особенно когда стараются живое разнообразие языка уложить в эти две произвольно наперед указанные и слишком категорически отграниченные рубрики» [Богородицкий 1935: 229]. Действительно, можно назвать большое число структур, находящихся в зоне взаимодействия признаков сочинения/подчинения: 1) *Будет вам по калачу, да смотрите же, не болтайте, а не то поколочу* (А. Пушкин). 2) *Мне всегда и все казалось возможным, и оттого моя жизнь в последние пять лет сложилась в цепь сплошных неудач* (М. Горький). 3) *Лишь бы день урвать, а там хоть трава не расти* (В. Шукшин). 4) *Тайга угнетающе действует на непривычного человека, в то время как в подмосковных лесах почти все чувствуют себя легко*. 5) *Я люблю тебя, жизнь, что само по себе и не ново* (К. Ваншенкин).

И, наконец, заслуживает внимания и развития идея В.А. Богородицкого о существовании переходных звеньев в системе сложноподчиненного предложения, о взаимодействии придаточных не только в аспекте противопоставления и отталкивания, но и в аспекте интеграции и схождения. Так, давая общую классификацию сложноподчиненных предложений по синтаксической связи их частей и выделяя два ведущих типа, он говорит и о переходном звене, относя к ним условные и уступительные предложения с взаимнообуславливающими

отношениями их составляющих (с. 319). С другой стороны, характеристику сложноподчиненного предложения на основании смысловых различий В.А. Богородицкий предваряет следующим соображением: «Факты живой речи не всегда укладываются в тот или другой определенный тип, но могут занимать переходное положение, относясь одновременно к тому и другому» [Богородицкий 1935: 206].

Мысли В.А. Богородицкого, высказанные им как попутные, нередко помещенные в подстрочные примечания, получили в современной грамматике статус исходных теоретических положений, тем более что лингвистика на «стыке» XX – XXI вв. концентрирует внимание на реляционной семантике, сети абстрактных значений, выполняющих структурирующую функцию и гарантирующих целостность смыслового строя языка. Погружение в грамматическую семантику предполагает не только оперирование доминантными логико-синтаксическими отношениями, но и дальнейшее осознание этих отношений в аспекте их взаимодействия (пересечения, нюансирования), представляющем наибольшие шансы для проявления специфичности содержания. Элементарным примером грамматической переходности может служить одно из самых употребительных в нашей речи слов слово **и**, которое отличается смысловой насыщенностью. Это слово прежде всего осознается как сочинительно-соединительный союз («Мороз **и** солнце»), а также – акцентирующая, усиительная частица («Она **и** глазом не моргнула...»). Переходность возникает при взаимодействии этих значений, что вызывает трактовку **и** как союза-частицы: «**И** божество, **и** вдохновенье, **и** жизнь, **и** слезы, **и** любовь...» (А.С. Пушкин).

Реляционная семантика находит наиболее полную и адекватную реализацию в системе сложного предложения как уникальной синтаксической единицы, сочетающей собственно предложенческие и текстовые параметры. Попадая в зону содержательного или формального синкретизма, сложноподчиненное предложение характеризуется либо большей/меньшей нейтрализацией двух противопоставленных значений, либо осложнением центрального значения периферийными, дополнительными, т. е. в нем представлен так называемый нерасчлененный диффузный синкретизм, с одной стороны, и с другой – расчлененный, опирающийся на семантическую доминанту и включающий оттеночные или сопутствующие значения.

В области обстоятельственной семантики наиболее частотными в славянских языках оказываются процессы схождения, притяжения условных и временных, а также условных и уступительных значений. При совмещении этих значений наблюдается известная нейтрализация ведущего показателя гипотаксиса – семантического союза, в связи с чем первостепенное значение приобретает оформление синтаксической парадигмы. – *Когда (=если) едешь по широкой бетонке, кажется, что в мире нет непроезжих дорог* (В. Солоухин).

Несмотря на то, что превалирует контактирование обстоятельственных значений, имеет место их взаимодействие с необстоятельными объектно-изъяснительными и атрибутивными. Отталкиваясь от атрибутивной семантики, можно объяснить возможность ее осложнения обстоятельственной актуализацией связей предикативных единиц и деактуализацией присловных.

Сам факт совместимости этих связей свидетельствует о грамматико-содержательном синкретизме соответствующих структур, которые, однако, как правило, сохраняют свой атрибутивный характер, получая те или иные обстоятельственные добавки и наслоения, особенно в составе определительно-распространительных предложений. В них наряду с соотносительностью предикативных составляющих, коррелятов внеязыковых ситуаций могут быть представлены и некоторые показатели значений причины, уступки и др. (предлоги *от, за, из-за*, вводно-модальные слова и частицы *впрочем, тем не менее*, антонимичные лексемы и т. д.). – *Вообще это было чудное письмо, **от** которого у меня стало весело и спокойно на душе* (А. Куприн).

Более частотным является совмещение определительной семантики и обстоятельственных значений локальности и темпоральности. Их совместимость и переплетение мотивируются следующими факторами: лексическим значением определяемого субстантива, его преимущественной синтаксической функцией обстоятельства, а также семантикой и синтаксической функцией вводящего форманта, чаще адвербиального характера (*где, куда, откуда, когда*). – *Есть дома, где живут. Есть дома, которые живут* (М. Цветаева). Семантика слова «дома» способствует в первом случае появлению оттенка пространственности.

Атрибутивная семантика, оставаясь в них доминантной, в то же время предопределяет процессы усиления обстоятельственности, прежде всего темпоральности, связанной с тенденцией русского языка к росту числа составных союзов и их аналогов. Тенденция к обогащению семантического потенциала атрибутивной связи за счет конденсации центральных, периферийных, оттеночных и добавочных смыслов проявляется в переориентации атрибутивных моделей в процессе конкуренции относительных и союзных скреп, сдвигах в семантике и функциях коррелирующих уступительных элементов и – соответственно – в их перепрофилировании в синкретичные структуры экспрессивного синтаксиса, где атрибутивное значение затушевывается, передвигаясь на окраинные позиции, и элятивный признак раскрывается описательно, опосредованно, что стимулирует антропологическую заостренность речи.

Семантика интенсивности может способствовать уравниванию слова «*такой*» с адвербиальными словами (*так, настолько* и т. п.), что становится предпосылкой для движения исходной модели в сторону обстоятельственной. – *Тут поднялся шум **такой**, что проснулся царь морской* (П. Ершов). В подобных структурах сохраняется формально-грамматический настрой на атрибутивность, хотя становятся приоритетными другие компоненты: квалитативно-квантитативные и причинно-следственные.

Как было отмечено уже в рамках КЛШ, наряду с внутриуровневым имеет место и межуровневое взаимодействие языковых единиц и включение структур в процессы, при этом синтаксический уровень нередко взаимосвязан с лексико-фразеологическим, что проявляется в создании фразеомоделей, отличающихся стабильностью структуры при совмещении и сближении видов связи союзных/бессоюзных, сочинительных/подчинительных, а также слиянием и размытостью значений. Так, в составе предложений обусловленности имеют место структуры, построенные по модели «*На то и А, чтобы Б*», в которых осущест-

вляется передача семантики подчеркнутого назначения, цели существования. Экспрессивность создается за счет подчеркивания, акцентирования закономерного характера того явления, которое предстает как следствие. Грамматическая заданность таких единиц – убедить адресата в неувидительности, объясняемости, соответствии требуемому, ожидаемому (*На то и мать, чтобы заботиться о своих детях*). Противоположные модусные смыслы закреплены за фразеомоделью – *Не + N, чтобы...* Обоснование и отрицаемое следствие сопровождаются значениями неоправданности, удивительности, несоответствия требуемым порядкам. – *Я не дурак, чтобы без денег жить* (А. Островский). *Ты мне не муж, чтобы с такими расспросами приставать* (Э. Рязанов).

И, наконец, если говорить о ведущей тенденции развития и состояния синтаксической системы гипотаксиса, т. е. сложноподчиненного предложения, то ее можно обозначить как ориентированность на интеграцию/дизинтеграцию, причем последняя преобладает, что проявляется в расчлененности, так называемой парцеллированной подаче главной и придаточных частей. При этом обращает на себя внимание включенность в соответствующие процессы тех структур, которые в 60–70-е гг. XX века допускали это явление как редкое (это союзные слова *который, где, что* и т. п.). Данный процесс, особенно проявляющийся в публицистике, можно объяснить наличием смещения книжной и разговорной речи, а также ростом в русском языке черт аналитизма, с одной стороны, с другой – актуализации высказывания как проявления антропологического фактора. Следствием этого процесса является определенный синкретизм частей сложноподчиненного предложения, которые нередко стремятся получить синтаксическую неподчинимость и автономность, приобретая признаки последовательности текста и получая новые смысловые наслаения.

Итак, переходность как статус синтаксической единицы, связанной с ее синхронным состоянием (не исключающим, однако, динамики и процессности), создается за счет взаимодействия этих единиц и приобретения при этом дополнительных признаков, прежде не свойственных той или иной модели. В этих случаях может наблюдаться либо параллельное сосуществование двух или нескольких семантических линий, либо их иерархичность. Подобная семантическая неоднородность способствует дискуссионности трактовок синкретичных структур, отказу от них во многих классификационных построениях, хотя семантическая емкость и насыщенность этих структур стимулирует их включение как в исследовательский поиск, так и в современное образовательное пространство.

Полевой метод исследования языковых единиц содействовал более полному и дифференцированному их познанию, выделению центральных и шкалированно-периферийных составляющих, а также аспектов взаимодействия нецентральных участков одного поля с семантикой другого. Переходность выполняет уникальную функцию интеграции и тем самым обеспечивает целостность языковых систем и подсистем, континуальность речевого потока, историческую подвижность и преемственность языка.

В заключение подчеркнем, что учет синкретичных явлений, свойственных языку, обеспечивает адекватность лингвистических описаний и квалификаций объекта исследования. Благодаря семантикоцентризму как доминантному на-

правлению современной филологической мысли проблема синкретизма из частной превращается в актуальную общелингвистическую проблему, настоятельно требующую проникновения в ее суть и языковую реальность.

Summary

N.A. Andramonova. Kazan Linguistic School and problems of semantic and grammatic syncretism.

The main thesis of Kazan Linguistic School are under consideration in this article. They are the problems of systematic and asystematic nature of the language; transitivity as a systematizing factor in synchronic and diachronic aspect. A special attention is paid to the syntactic classification of V.A. Bogoroditsky, which combines typical and intermedium structures. Syncretic composite sentences are characterised taking into account the scale of transitivity. Their status in linguistic typologies and texts is defined.

Литература

1. *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
2. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1–2.
3. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики (Из университетских чтений). – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 356 с.
4. *Крушевский Н.В.* Лингвистические заметки // РФВ. – 1880. – С. 28.
5. *Крушевский Н.В.* Очерк науки о языке. – Казань, 1883. – 148 с.
6. *Мигирин В.Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке. – Бельцы, 1971. – С. 176–195.
7. *Пауль Г.* Принципы истории языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
8. *Семантика переходности:* Сб. науч. трудов. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1977.
9. *Щерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – Т. 1.
10. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука; ЛО, 1974. – 428 с.

Поступила в редакцию
18.02.05

Андромонова Наталия Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.